

Максимович Желько

АИ, РОССИЯ

2026

версия 2

будущее
не предсказывают —
его создают

ДЕКАБРЬ 2026 2058 ГОД

Желько Максимович
АИ, Россия 2026+ версия 2

«Автор»

2026

Максимович Ж.

АИ, Россия 2026+ версия 2 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

АИ, Россия 2026+ версия 2 — стратегическая фреска ближайшего будущего, разворачивающаяся между декабрём 2026 года и 2058 годом. Это не альтернативная история в привычном смысле — это история ещё не случившегося, просчитанная с холодной точностью геостратегической модели и рассказанная с горячей интонацией человека, который видел будущее и не смог промолчать. 2. Протокол «Ладоги-7» (2026) — расшифровка закрытого совещания, на котором четверо человек решают судьбу пан-региона. Три сценария: «Мост» (встраивание в китайский контур), «Север» (технологическая автаркия, мобилизация, крепость), «Колодец» (когнитивный переход, открытые границы для умов, ставка на то, чего ещё нет). Совет голосует за «Север» — единогласно, при молчании Соболевой.

Желько Максимович

АИ, Россия 2026+ версия 2

Глава 1. Аналитическая записка № 247 (2031 год, декабрь)

Стратегическая метка: 19 декабря 2031 г., 02:41 МСК. Уровень: 5-й этаж власти. Горизонт планирования: 50 лет. Получатель: Совет Пан-Регионального Планирования Евразийского Союза. Гриф: «Ноль». Автор: Вера Соболева, главный геостратег.

1. Преамбула: точка, которой не было на картах

Настоящим докладываю: точка бифуркации пройдена. Мы её пропустили. Или, что вернее, — мы прошли сквозь неё с закрытыми глазами и продолжаем идти, полагая, что горизонт по-прежнему принадлежит нам.

Карта пан-регионов по состоянию на четвёртый квартал 2031 года представляет собой не просто геополитическую данность. Это — кристаллизованная структура, застывшая форма, которую мир принял в те двадцать шесть месяцев между ноябрём 2024-го и декабрём 2026-го, когда старый порядок окончательно рассыпался, а новый ещё не обрёл легитимности. Теперь легитимность обретена. И она не наша.

Американо-Тихоокеанский блок (АТБ) завершил консолидацию в сентябре этого года: западное побережье бывших Соединённых Штатов, Японский архипелаг, Австралийский континент, Тайваньский анклав и — тихо, без формального членства — Сингапурский хаб. Контролируют 73% мировых мощностей трёхнанометровых чипов и 81% исследовательской инфраструктуры в области квантовых вычислений. Их военно-морское присутствие в Тихом океане — сплошная дуга от Сан-Диего до Йокосуки, и дуга эта замыкается быстрее, чем наши аналитические модели предсказывали в 2026-м.

Китайский пояс — от Шанхая до Найроби — держит редкоземельную монополию (94% мирового производства иттрия, неодима и диспрозия) и логистический коридор «Пояс-и-Путь-2.0», который уже не метафора, а железная дорога, оптоволокно и трубопровод, сшивающие Африку с Азией. Индийский субконтинент дрейфует, не примыкая ни к кому, — и в этом дрейфе, как я покажу ниже, заключается их глубокая, возможно, самая умная стратегия из всех. Исламский пан-регион расколот на три конкурирующих проекта: тегеранский (шиитская ось, демография, прокси-архитектура), эр-риядский (капитал, западные технологии в обмен на нефть, Vision-2040, которая, вопреки скепсису, реализуется) и стамбульский (турецкий неосманизм, военная промышленность, влияние от Балкан до Центральной Азии).

Евразийский Союз — наш проект, проект моего поколения стратегов — удерживает Хартленд. Географию мы контролируем. Но география в двадцать первом веке значит меньше, чем архитектура процессора. И вот здесь — проигрыш.

2. Точка ветвления: декабрь 2026 года

Я возвращаюсь в декабрь 2026-го не для того, чтобы оправдаться. Оправдываться поздно. Я возвращаюсь туда, потому что любой стратегический анализ, претендующий на честность, обязан вновь и вновь проживать момент выбора — иначе аналитик теряет способность разли-

чать сценарии. Это профессиональная болезнь нашей школы: мы умеем предсказывать, но не умеем забывать предсказанное. Карта накладывается на территорию и заслоняет её.

Пять лет назад, в точке ветвления декабря 2026-го, мы стояли перед тремя сценариями. Не перед семью. Не перед двенадцатью. Перед тремя. Стратегия, вопреки распространённому заблуждению, — это искусство не умножения, а сокращения. Настоящий стратег отсекает варианты, пока не останется горстка — и в этой горстке уже нет хороших. Есть только наименее гибельные.

Сценарий «Север» предполагал технологическую автаркию ценой демографического сжатия. Мы знали цену. Мы закладывали в модель сокращение населения на 12–18% за десятилетие — не только за счёт естественной убыли, но и за счёт эмиграции когнитивного класса. Мы закладывали замедление роста в секторах, зависящих от импортных чипов. Мы закладывали консервацию социальной структуры: стабильность как высшая ценность, мобилизация как режим существования, закрытый контур как способ выживания. Расчёт был на то, что АТБ и Китайский пояс войдут в клинч, истощат друг друга, и тогда Хартленд — целый, нерастраченный — выйдет на сцену. Это была логика шахматной партии, где мы — ферзь, спрятанный в углу доски. Красивая логика. Неверная.

Сценарий «Мост» предполагал встраивание в китайский технологический контур на правах сырьевого и транзитного партнёра, с постепенной — подчёркиваю, постепенной, но неизбежной — утратой стратегической субъектности. Модели показывали: через пятнадцать-двадцать лет такого партнёрства Евразийский Союз превращается в северного сателлита Пекина с ограниченным суверенитетом и полностью зависимой технологической базой. Мы отвергли «Мост» единогласно.

Сценарий «Колодец» — самый странный из трёх, самый неочевидный, тот, который мой учитель называл «ставкой на то, чего ещё нет», — предполагал когнитивный переход. Не гонку за трёхнанометровыми чипами, где мы отстали безнадежно, а прыжок в иную парадигму: инвестиции в то, что тогда называли «глубоким мышлением» — когнитивные архитектуры, нейроморфные сети, био-гибридные вычислительные среды, а главное — в человеческий потенциал. «Колодец» требовал открытия границ для умов, а не для капиталов; требовал превращения Евразийского Союза в магнит для когнитивного класса планеты; требовал отказа от мобилизационной модели в пользу модели исследовательской. Это был сценарий с наибольшей неопределённостью и наименьшей предсказуемостью. Вероятность успеха мы оценили в 14%. Вероятность катастрофического провала — в 61%. Оставшиеся 25% — неизвестность, которую модель не брала.

Мы выбрали «Север».

Я, Соболева Вера Андреевна, главный геостратег, подписавшая рекомендацию, несу за этот выбор полную ответственность. Моя подпись стоит под документом. Моя рука не дрогнула. Мой ум в тот момент был ясен, расчёты верны, допущения обоснованы. И этого оказалось недостаточно. Потому что стратегия, как выясняется, — это не только математика. Это ещё и смелость. А смелости у нас не хватило.

Мой учитель, стратег девятой школы — той самой, что была распущена в 2029-м за «избыточный интеллектуализм», — говорил мне за два года до смерти: «Вера, запомни. История — это не река. Это дерево, которое растёт корнями вверх. Каждое решение здесь, на пятом

этаже, — это новая ветвь. И ты никогда не узнаешь, какая из них станет стволом, пока дерево не вырастет». Он умер в феврале 2028-го, в своей квартире на Пятницкой, за письменным столом. Его последняя записка — четыре слова на клочке бумаги, найденном среди рукописей: «Колодец. Они выбрали колодец».

Я не знаю, кто «они». Я и есть «они».

3. Горизонт 2031: стратегическая сборка

Теперь, пять лет спустя, я пишу эту записку не для архива. Архив пятого этажа — это чёрная дыра, поглощающая смыслы без возврата. Я пишу её для того, кто прочитает эти строки через двадцать, пятьдесят или сто лет и поймёт: момент распада евразийского проекта был зафиксирован здесь, задолго до того, как трещины стали видны на первом, втором, третьем этажах власти. Задолго до того, как они стали видны публике.

Парадокс 2031 года — и в этом парадоксе вся трагедия нашей профессии — заключается в том, что публика ничего не знает. Сто сорок миллионов человек на пространстве бывшей Российской Федерации и союзных республик живут в ощущении подъёма. Рубль стабилен — третий год подряд. Хлеб есть. Границы на замке. Пенсии платятся. Армия перевооружена. Пропаганда работает: рейтинги доверия к институтам власти колеблются между 67% и 72% — цифры, которые двадцать лет назад сочли бы невозможными. Обыватель смотрит в окно и видит зиму, снег, свет в витринах. Он не видит стратегической сборки.

А стратегическая сборка, которую моя группа проводила последние восемнадцать месяцев, показывает следующее.

Социальный интеллект. Показатель, разработанный группой Соболевой в 2027 году и утверждённый как стандарт стратегического планирования в 2029-м, падает шестой квартал подряд. Интегральный индекс, учитывающий когнитивную сложность принимаемых обществом решений, способность к коллективной рефлексии, уровень образования, миграцию интеллекта и патентную активность, снизился с 0,74 (пик 2028 года) до 0,58 в четвёртом квартале 2031-го. Темп снижения ускоряется. При сохранении текущей траектории к 2035 году индекс достигнет 0,41 — уровня, за которым начинается необратимая когнитивная деградация социума. Общество ещё функционирует, но уже не мыслит.

Падение социального интеллекта имеет три основные причины, и все три — прямые следствия сценария «Север».

Первая: исход когнитивного класса. За пять лет Евразийский Союз покинули около 390 тысяч специалистов с высшим образованием в областях STEM. Это не «утечка мозгов» девятидесятых — тогда утекали одиночки. Это исход. Уезжают лабораториями, кафедрами, исследовательскими группами. АТБ предоставляет исследовательские визы за шесть дней. Китайский пояс перекупает целые институты вместе с руководителями. Мы закрыли границы — для туристов. Для умов они открыты, только в одну сторону.

Вторая: износ образовательной ткани. Университеты переведены на мобилизационные рельсы. Фундаментальная наука финансируется по остаточному принципу. Школы выпускают лояльных, но не мыслящих. Через поколение — лет через пятнадцать — мы получим общество, не способное к самостоятельному технологическому развитию.

Третья: информационная среда. Три года назад мы ввели «Единый информационный контур». Он отсеял шум. Вместе с шумом он отсеял и сигнал. Общество потребляет информацию, которую производит государство; информация эта качественна, выверена, спокойна — и стерильна. Она не провоцирует мысль. Она убаюкивает.

Демография. Яма 2020-х годов, которую мы считали локальным провалом, дала отсроченный удар по мобилизационному резерву. Количество мужчин в возрасте от 18 до 27 лет сократилось на 34% относительно уровня 2020 года. К 2035 году сокращение достигнет 47%. Это означает, что любая доктрина, основанная на массовой мобилизации, становится физически нереализуемой. Мы не сможем выставить армию. Мы не сможем укомплектовать оборонные предприятия. Мы не сможем поддерживать ту самую закрытую крепость, ради которой затевался «Север».

Демографический прогноз по модели Соболевой-Карпова (2030) показывает: при сохранении текущих тенденций население Евразийского Союза сократится до 112 миллионов к 2045 году и до 91 миллиона к 2060-му. Это не вымирание. Это — исчезновение как субъекта геополитики. Пан-регион с населением менее ста миллионов, расположенный на самой большой территории мира, не может удерживать эту территорию. Он становится вакуумом. А вакуум, как известно, заполняется.

Технологическое отставание в когнитивных архитектурах. Это направление — «глубокое мышление», как мы его называли в 2025-м — является ключевым. Не чипы сами по себе, не квантовые компьютеры, не ракеты. Когнитивные архитектуры: системы, способные к самостоятельному целеполаганию, к рефлексии, к тому, что мы раньше называли интуицией, а теперь называем нелинейным синтезом. АТБ инвестирует в это направление около 40 миллиардов долларов ежегодно. Китайский пояс — около 28 миллиардов. Наши инвестиции, засекреченные, разбросанные по закрытым статьям, не превышают 2,7 миллиарда.

Отставание, по нашим оценкам, составляет от семи до одиннадцати лет. Но это оценка сегодняшняя. При сохранении текущей динамики через пять лет отставание достигнет пятнадцати-двадцати лет — и тогда догонять будет некого, потому что нас просто не будет в гонке. Мы станем наблюдателями.

Пассионарность. Индекс пассионарного напряжения, рассчитанный по методике Гумилёва-Соболевой — методике, которую моя группа дорабатывала шесть лет, синтезируя этологию, историческую макро социологию и нейробиологию, — опустился ниже критической отметки 0,31. Это четвёртый квартал подряд, когда индекс находится в зоне ниже 0,35. Для справки: во время последнего пассионарного подъёма, в 2014–2016 годах, индекс достигал 0,71. Во время инерционной фазы 2020-х он колебался около 0,50. Сейчас — 0,29.

Ниже 0,31 — только обскурация. Это стадия, на которой этнос или супер этнос теряет способность к целенаправленному действию, к историческому творчеству. Люди ещё живут, размножаются, едят, потребляют, но они больше не действуют как субъект истории. Они — материал. Выше 0,31 — только новая точка бифуркации. Но мы не видим, откуда она может прийти. Модель молчит. Модель показывает прямую нисходящую линию до 2041 года — и обрыв.

Я помню, как впервые представила эти данные на закрытом семинаре в октябре. В комнате находились двенадцать человек — цвет нашего стратегического корпуса. Когда я закончила, повисла тишина. Не та тишина, когда обдумывают. Та тишина, когда уже всё поняли и не хотят произносить вслух. Первым заговорил Корнеев, зам по военному планированию. Он сказал: «Вера Андреевна, вы предлагаете нам признать, что мы проиграли». Я ответила: «Нет. Я предлагаю вам признать, что мы проигрываем. Разница в том, что проигрыш можно остановить. Проигранное — нет».

4. Пан-региональная карта: детальный обзор

Примечание: подробная карта с координатами центров силы, линиями напряжённости и зонами нестабильности приведена в Приложении 1. Ниже — аналитическое описание.

Американо-Тихоокеанский блок

АТБ — наиболее успешный проект пост-американского мира. После распада Соединённых Штатов в 2027–2029 годах (процесс, известный как «Великий Развод») западное побережье — Калифорния, Орегон, Вашингтон, Невада — заключило Тихоокеанский пакт с Японией, к которому в течение двух лет присоединились Австралия, Новая Зеландия и Тайваньский анклав. Де-факто в орбите АТБ находятся Южная Корея и Вьетнам.

Ключевые характеристики:

- ВВП (номинальный): 18,4 триллиона долларов
- Население: 312 миллионов
- Военный бюджет: 890 миллиардов долларов
- Технологическое преимущество: абсолютное в областях AI, квантовых вычислений, биотехнологий
- Стратегическая уязвимость: зависимость от редкоземельных элементов, поставляемых Китайским поясом (хотя активно разрабатываются альтернативные источники в Австралии и на Аляске)

АТБ реализует стратегию «Чистая комната»: технологическая гегемония, поддерживаемая морским контролем. Их аналитические центры — прежде всего Тихоокеанский институт перспективных исследований в Сингапуре — работают над тем, что они называют «пост человеческим планированием». Речь идёт о создании когнитивных архитектур, превосходящих человеческий интеллект в стратегическом анализе. Если они добьются успеха, геополитика перестанет быть человеческой дисциплиной. И тогда наши модели станут бесполезны в принципе.

Китайский пояс

Китайский пояс — не государство в традиционном смысле. Это сеть из более чем семидесяти узлов: портов, железнодорожных станций, промышленных кластеров, шахт, исследовательских центров, объединённых единой логистикой и единой валютой (цифровой юань, обеспеченный редкоземельной корзиной). От Шанхая до Найроби, от Джакарты до Душанбе — это пространство, где китайский капитал, китайские инженеры и китайские стандарты являются нормой.

Ключевые характеристики:

- ВВП (номинальный): 21,2 триллиона долларов
- Население: 1,9 миллиарда
- Контроль над редкоземлями: 94% мирового производства
- Логистический контроль: 60% мирового контейнерного трафика проходит через узлы

Пояса

- Стратегическая уязвимость: демография (старение населения метрополии), зависимость от морских путей для экспорта, внутреннее напряжение между метрополией и периферией

Пекинская стратегия — «Тысяча игл»: множество малых, неостановимых проколов в ткани конкурентов. Они не стремятся к прямой конфронтации. Они обволакивают, кредитуют, встраивают, делают незаменимыми. А потом ставят условия. Это стратегия не шахмат, а го. И она работает.

Индийский субконтинент

Индия остаётся величайшей стратегической загадкой нашего времени. Её неприсоединение к блокам — не слабость и не нерешительность. Это сознательная стратегия, которую в аналитических кругах называют «Дрейф Бхарата». Индия не вступает ни в один альянс, но торгуется со всеми. Она не выбирает между АТБ и Китайским поясом, но использует оба. Она не претендует на глобальную гегемонию, но методично наращивает потенциал.

Ключевые характеристики:

- ВВП (номинальный): 7,8 триллиона долларов
- Население: 1,5 миллиарда (самое большое в мире)
- Военный бюджет: растущий, 190 миллиардов долларов
- Демографический дивиденд: сохранится до 2045 года
- Технологический уровень: средний, с прорывными точками в IT и космосе

Индия ждёт. Её стратегия — не победить, а пережить конкурентов. Когда АТБ и Китайский пояс истощат друг друга, когда Евразийский Союз сожмётся до московского княжества, когда Исламский мир фрагментируется окончательно — тогда Индия выйдет на сцену. Это может произойти в 2040-х. А может — в 2060-х. У Индии есть время.

Исламский пан-регион

Тройной раскол исламского мира — между Тегераном, Эр-Риядом и Стамбулом — не является временным. Это структурное расхождение, которое будет только углубляться.

Тегеранский проект — шиитская ось: Иран, южный Ирак, ливанская Хезболла, йеменские хуситы, сирийский режим. Стратегия — асимметричное сдерживание через прокси-архитектуру. Демографический потенциал ограничен. Экономический — тем более. Но способность создавать проблемы превосходит способность конкурентов эти проблемы решать.

Эр-риядский проект — суннитский капитал: Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн, частично Египет. Стратегия — трансформация из нефтяного рантье в технологический хаб. Vision-2040 реализуется: строятся города, привлекаются умы, диверсифицируется экономика. Если проект удастся — а он удаётся быстрее, чем многие предсказывали, — к 2040 году Эр-Рияд станет третьим по значению технологическим центром планеты.

Стамбульский проект — турецкий нео-османизм: влияние от Балкан до Центральной Азии, военная промышленность (турецкие беспилотники — лучшие в своём классе), контроль над черноморскими проливами, растущее присутствие в Африке. Стратегия — быть незамеченным посредником между всеми блоками. Пока удаётся.

Евразийский Союз

Наш проект. Хартленд. Территория от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Самарканда. Огромная, холодная, богатая ресурсами. И стратегически уязвимая, как никогда ранее.

Ключевые характеристики на четвёртый квартал 2031 года:

- ВВП (номинальный): 3,1 триллиона долларов (падение на 8% относительно пика 2028 года)
- Население: 140 миллионов (сокращение на 2,1 миллиона за пять лет)
- Военный бюджет: 210 миллиардов долларов (растущий, но с падающей эффективностью расхода)
- Технологический уровень: отставание на 7–11 лет в ключевых направлениях
- Пассионарный индекс: 0,29 (ниже критической отметки)

Мы построили крепость. Крепость надёжна. Но крепость — это место, где умирают. Империи не живут в крепостях. Империи живут в открытом пространстве — или не живут вовсе.

5. Глубинная диагностика: почему «Север» не сработал

Стратегия «Север» исходила из трёх допущений, каждое из которых оказалось ошибочным — не полностью, но в той степени, которая сделала ошибку фатальной.

Первое допущение: конфликт между АТБ и Китайским поясом неизбежен и будет истощающим. Мы предполагали, что два блока войдут в клинч, аналогичный Холодной войне, и потратят силы на противостояние, а мы — третий, не участвующий, — сохраним ресурсы. Реальность оказалась сложнее. АТБ и Китайский пояс действительно конкурируют, но они также и взаимозависимы: АТБ нужны редкоземельные элементы, Китаю нужны рынки сбыта и технологии. Они нашли модус вивенди — холодный, напряжённый, но устойчивый. Войны нет. Есть симбиоз на ножах. И в этом симбиозе для третьего места нет.

Второе допущение: ресурсная база Хартленда достаточна для автаркии. Мы посчитали нефть, газ, металлы, пашню, воду. Мы не посчитали главный ресурс двадцать первого века — когнитивный. Автаркия возможна в углеводородах. Она невозможна в программах, алгоритмах, архитектурах. Когнитивный ресурс требует открытости, обмена, трения умов. Закрытая система когнитивно деградирует — это не метафора, это термодинамика информации.

Третье допущение: мобилизационная модель может поддерживаться неопределённо долго. Мы исходили из того, что общество способно находиться в мобилизационном режиме десятилетиями. Исторические прецеденты — СССР, Северная Корея — казались подтверждением. Но мы не учли изменение человеческого материала. Человек 2030-х — не человек 1930-х. Информационная среда изменила когнитивные привычки. Люди потребляют информацию

иначе. Они мыслят иначе. Мобилизационная модель требует единообразия мышления — а единообразие в сетевом обществе достижимо только через отсечение сетей. Что мы и сделали. Вместе с сетями мы отсекали и способность к развитию.

Итог: «Север» не сработал не потому, что мы плохо его реализовали. Мы реализовали его блестяще. Он не сработал, потому что был ошибочен в основании. Стратегия, построенная на допущении, что можно выиграть, не участвуя в главной гонке эпохи, — это стратегия поражения, просто отсроченного.

6. Сценарий «Колодец»: пересмотр

Пять лет спустя я вынуждена признать: мой учитель был прав. Точнее, его посмертная записка оказалась пророческой — не в мистическом, а в сугубо аналитическом смысле. Он просто считал дальше, чем мы.

«Колодец» — это не технологическая программа. Это смена парадигмы. Переход от модели «крепость, переживающая бурю» к модели «лаборатория, создающая будущее». Конкретные контуры:

1. Открытие границ для когнитивного класса. Не для всех — для лучших. Исследовательские визы, гранты, лаборатории без бюрократии. Превращение Евразийского Союза из источника утечки умов в магнит для них. Это потребует пересмотра большей части законодательства о «иностранном влиянии» — и, следовательно, политической воли, которой сейчас нет.

2. Инвестиции в когнитивные архитектуры. Не догонять АТБ в трёхнанометровых чипах — это гонка проиграна. Прыгнуть в следующую парадигму: нейроморфные сети, био-гибридные вычисления, то, что мы называем «глубоким мышлением». На это нужно 15–20 миллиардов долларов ежегодно — сумма, сопоставимая с нашим оборонным бюджетом.

3. Реформа образования. Отмена мобилизационных стандартов, возврат к фундаментальной науке, создание сети исследовательских школ и университетов. Это инвестиция с горизонтом в поколение, но другой инвестиции нет.

4. Демографическая стратегия. Не пособия и призывы рожать — это не работает. Привлечение населения: открытая иммиграция для квалифицированных специалистов из дружественных стран, программа репатриации для уехавших. Амбициозная, рискованная, политически токсичная — но альтернативы две: либо открыться и привлечь, либо закрыться и исчезнуть.

5. Перезапуск пассионарности. Это самое сложное. Пассионарность нельзя «включить» распоряжением. Но можно создать условия, в которых она возникает: пространство для риска, для героического действия, для нового фронта. Космос. Океан. Подземный город. Любой Большой Проект, который заставит общество проснуться.

Вероятность успеха сценария «Колодец» при немедленном запуске мы оцениваем в 12% — против 14% пять лет назад. Потерянные пять лет съели два процентных пункта. Через год будет 10%. Через три — меньше порога, за которым действовать бессмысленно.

Вероятность коллапса Евразийского Союза при сохранении текущего курса («Север») составляет 89% в горизонте десяти лет и 97% в горизонте двадцати. Это не прогноз. Это констатация траектории.

7. Личное заключение

Я перечитываю написанное — и вижу документ, который никто не хочет читать. Совет Пан-Регионального Планирования собирается раз в полгода. В повестке — распределение бюджетов, согласование транспортных коридоров, доклады о состоянии посевных. Мою записку включают в пакет материалов под номером 247. Вероятность того, что она будет прочитана хотя бы одним членом Совета полностью, я оцениваю в 8%. Вероятность того, что она будет обсуждена — менее 2%.

Так зачем я её пишу?

Я пишу её, потому что стратег не выбирает, когда говорить. Стратег говорит тогда, когда видит. И даже если голос стратега падает в пустоту, сам факт говорения меняет реальность — не сегодня, так через поколение. Где-нибудь в 2081 году аспирант Института исторической стратегии раскопает этот документ в архивах пятого этажа и скажет: «Смотрите, они знали. Они всё знали ещё в тридцать первом». И, возможно, это знание — запоздалое, бесполезное для нас — поможет им не повторить наш путь.

А возможно, и нет. Возможно, каждое поколение стратегов обречено наступать на одни и те же грабли — и моя записка лишь ещё один слой в геологических отложениях несбывшихся предсказаний. Но пока я жива, пока я занимаю этот кабинет, пока мой пропуск открывает двери пятого этажа — я буду писать. Потому что однажды дверь откроется, и за ней окажется тот, кто готов не только прочитать, но и действовать.

Рекомендация: немедленный созыв закрытого совета. Повестка — пересмотр базового сценария с «Севера» на «Колодец», несмотря на пятилетнее опоздание. Состав участников: не более девяти человек, все — с пятым уровнем допуска и выше. Место проведения: не Москва. Время: до конца января 2032 года. Промедление далее невозможно.

Вероятность успеха — менее 12%.

Вероятность коллапса при сохранении текущего курса — 89% в горизонте десяти лет.

Вероятность того, что этот документ будет воспринят как основание для действий — 2%.

И всё же я его отправляю. Потому что 2% — это не ноль.

Вера Соболева,
главный геостратег Евразийского Союза.
19 декабря 2031 года, 02:41 МСК.
Гриф: «Ноль».

Приложения (перечислены, не прилагаются к данной копии):

1. Карта пан-регионов с координатами центров силы, линиями напряжённости и зонами нестабильности (по состоянию на 4 кв. 2031 г.)
2. Модель пассионарного цикла по методике Гумилёва-Соболевой (расчётная таблица, 2031 г.)
3. Расчёт точки невозврата для Евразийского Союза при сохранении сценария «Север» (аналитическая записка № 248)
4. Сравнительная таблица сценариев «Мост» / «Север» / «Колодец» в редакции декабря 2026 г. и актуализированная на декабрь 2031 г.
5. Закрытый демографический прогноз по модели Соболевой-Карпова (2030), горизонт до 2080 г.

Глава 2. Протокол закрытого совещания (2026 год, октябрь)

Расшифровка аудиозаписи № 47-Л17. Гриф: «Ноль». Хранение: архив пятого этажа, ячейка 12-Г. Носитель: кристалл. Место: объект «Ладога-7», заглублённый командный пункт, 180 метров под озером. Время: 14 октября 2026 года, 19:03–22:47 МСК. Присутствуют: В. Соболева (главный геостратег, 5-й этаж), А. Кольцов (председатель Совета безопасности), М. Рахманов (куратор промышленного блока, 3-й этаж), генерал-полковник Звягин (заместитель начальника Генерального штаба, 4-й этаж). Председательствующий: Кольцов.

Примечание аналитической группы: расшифровка была произведена 16 октября 2026 года, заверена Соболевой, засекречена и помещена в архив. Повторно извлечена 20 декабря 2031 года по личному запросу Соболевой для подготовки Аналитической записки № 247. Нижеследующий текст включает полную стенограмму, восстановленные фрагменты (помечены квадратными скобками), а также ретроспективный комментарий Соболевой, добавленный при повторном прочтении в декабре 2031 года. Ретроспективные вставки выделены курсивом и отбиты.

Расшифровка

19:03. Начало записи.

(Шум помех. Звук закрываемой двери. Щелчок фильтрационной системы — характерный для «Ладоги-7» двойной выдох компрессора.)

Кольцов: Запись пошла. Четырнадцатое октября две тысячи двадцать шестого года, девятнадцать ноль три. Присутствуют: Кольцов, Соболева, Рахманов, Звягин. Вера Аркадьевна, — (пауза, звук переключаемых бумаг) — прошу.

Соболева: Спасибо, Алексей Дмитриевич. (Пауза. Слышно, как Соболева отпивает воду.) Я буду коротко, насколько позволяет материал. Но сразу предупреждаю: коротко не получится. То, что я должна вам представить, — это результат восемнадцати месяцев работы моей группы. Мы обсчитывали эти варианты дольше, чем иные государства живут.

(Звук раскладываемых планшетов. Четыре устройства синхронизируются с защищённой сетью «Ладоги».)

Соболева: Перед вами три файла. Три сценария. Я не буду их называть «оптимистический», «пессимистический» и «базовый» — это традиция Минэкономразвития, а я не Минэко-

номразвития. Я называю их так: «Север», «Мост» и «Колодец». Названия — не метафоры. Это архитектурные принципы.

Рахманов: Вера Аркадьевна, разрешите вопрос сразу, чтобы потом не перебивать?

Соболева: Прошу, Михаил Борисович.

Рахманов: Почему мы сидим здесь, а не в Москве?

(Смешок Звягина. Кольцов не реагирует.)

Соболева: Потому что через три месяца, Михаил Борисович, Москва может перестать быть местом, где принимаются решения такого уровня. И вы это знаете не хуже меня.

Рахманов: Допустим.

Соболева: Итак.

(Соболева встаёт. Характерный звук её шагов — она всегда ходила во время докладов. Три шага влево, три вправо, как маятник. После совещания Звягин скажет Рахманову в курилке: «Она как тигр в клетке». Рахманов ответит: «Тигр в клетке не думает. Она — думает».)

19:07. Сценарий «Мост».

Соболева: Начну с того, что все считают очевидным. Рахманов, вы наверняка ждёте именно этого. «Мост». Мы встраиваемся в китайский технологический контур. Пекин даёт нам чипы, процессоры, алгоритмические платформы, доступ к квантовым вычислениям. Мы даём Пекину транзит, ресурсную базу, геостратегическую глубину — ту самую, которую Хартленд обеспечивал Российской империи и Советскому Союзу. И — внимание, это ключевое — мы отдаём Пекину рынок. Сто сорок миллионов потребителей, которые сейчас сидят на импорт замещенных эрзацах. Китайские компании заходят на наш рынок не как гости, а как хозяева технологической повестки.

Рахманов: Звучит не так плохо, как вы, кажется, собираетесь доказать.

Соболева: Так и есть. Звучит не плохо. В короткой перспективе — три-пять лет — «Мост» даёт нам лучшее соотношение стабильности и роста. Уровень жизни не падает, полки наполняются, технологический голод утоляется. Китайцы передают нам линии для сборки чипов по техпроцессу семь нанометров. Не три, как у АТБ, но семь — это уже что-то. Армия получает современную элементную базу. Промышленность получает автоматизацию. Элиты сохраняют капиталы. (Пауза.) А теперь я скажу то, что вам не понравится.

Звягин: Валяйте.

Соболева: Через десять лет по этому сценарию мы теряем оборонную самостоятельность. Не формально — формально у нас будут свои заводы, свои конструкторские бюро, свои генералы. Но элементная база, на которой всё это работает, будет китайской. Программное обеспечение — китайским. Стандарты — китайскими. Мы не заметим, как станем северной про-

винцией Китайского пояса. С вежливым послом в Пекине, с флагом, с гимном, но без права сказать «нет». Через пятнадцать лет «право сказать „нет“» исчезнет даже в теории. Через двадцать — наши внуки будут учить китайский как второй родной. И не потому, что это плохо. А потому, что это — конец субъектности.

Рахманов: Это вы сейчас про политику или про гордость?

Соболева: Я сейчас про стратегию, Михаил Борисович. Гордость — это эмоция. Стратегия — это расчёт. Смотрите: Китайский пояс — это не государство в традиционном смысле. Это сеть. Сеть из портов, железных дорог, трубопроводов, оптоволокон, исследовательских центров. Узлы этой сети обладают разным уровнем суверенности. Шанхай — полный. Душанбе — ограниченный. Найроби — ещё более ограниченный. Когда Евразийский Союз входит в эту сеть на правах транзитного и ресурсного узла, его суверенность начинает снижаться. Не потому, что китайцы злые. А потому, что так устроена сеть: центр притягивает решения, периферия их исполняет. Мы станем периферией.

Звягин: А если китайцы сами развалятся? У них демография, у них...

Соболева: Демография у них плохая, согласна. Но они решают её иначе, чем мы. Они не пытаются заставить рожать. Они импортируют население — через тот же «Пояс-и-Путь». И они строят автоматизацию такими темпами, что через десять лет им просто не понадобится столько людей. У нас автоматизации нет. У нас демографическая яма. Мы в этой паре — слабый.

(Пауза. Слышно, как Рахманов барабанит пальцами по столу. Семнадцать ударов.)

Кольцов: Цифры, Вера Аркадьевна.

Соболева: Вероятность сохранения стратегической субъектности при реализации сценария «Мост» через пятнадцать лет — 18%. Через двадцать пять лет — 4%. Это не мои цифры, это модель. Хотите — проверяйте. Но модель не ошибается в тенденциях. Она ошибается в датах. Тенденция ясна: «Мост» — это медленное, комфортное, сытое исчезновение.

(Ретроспективный комментарий Соболевой, декабрь 2031 г.: Когда я перечитываю этот фрагмент сейчас, пять лет спустя, я понимаю: я была недостаточно убедительна. Я говорила о процентах, а надо было — о людях. О конкретных людях, которые через пятнадцать лет проснутся и поймут, что их страна — не совсем страна, а их решения — не совсем их решения. Но в тот момент я ещё верила, что цифры говорят сами за себя. Я ошибалась. Цифры молчат. Говорят только образы. — В.С.)

19:32. Сценарий «Север».

Соболева: Теперь второй сценарий. Тот, который, я знаю, ближе всего товарищу генерал-полковнику. И — не буду скрывать — до недавнего времени был ближе всего и мне. «Север». Мы закрываемся. Полная технологическая автаркия. Мобилизационная экономика. Восстановление технологического суверенитета любой ценой.

Звягин: Это по-нашему.

Соболева: По-нашему, товарищ генерал-полковник. Но давайте посмотрим, что значит «по-нашему» в конкретных цифрах. (Щелчок — смена слайда на планшетах.) Итак. Год первый. Мы вводим карточную систему на семьдесят четыре позиции потребительских товаров. Не потому, что товаров нет, а потому что ресурсы перенаправляются на технологический рывок. Уровень жизни падает на 30–40% в первые три года. Не у олигархов — у обычных людей. Пенсионеры, бюджетники, врачи, учителя. Они почувствуют это не как статистику, а как пустой холодильник. Вы готовы к социальным последствиям?

Звягин: Справимся. Не в первый раз.

Соболева: Не в первый. Но в последний. Потому что население 2026 года — не население 1941-го. И даже не население 1991-го. Информационная среда изменила людей. Люди не готовы терпеть молча. Они умеют объединяться. Они умеют снимать на телефон. Они умеют уезжать. И они уедут: по нашим оценкам, от 250 до 400 тысяч человек в год — из числа наиболее квалифицированных — покинут страну в первые три года «Севера». Это исход.

Рахманов: Это уже происходит. И без всякого «Севера».

Соболева: Происходит. Но «Север» ускорит это в разы. Потому что одно дело — уезжать из страны, где скучно, и совсем другое — из страны, где голодно и бесперспективно.

Звягин: Вера Аркадьевна, вы так говорите, будто у нас есть выбор. А если нет? Если нас припрут к стенке — что, откроем границы и будем смотреть, как нас доедают?

Соболева: Я как раз к этому и веду, товарищ генерал-полковник. Вы правы: если выбора нет, «Север» — единственный сценарий. Но выбор есть. Об этом — третий файл. Но сначала дослушайте про «Север». Потому что вы должны понимать цену.

(Пауза. Соболева подходит к своему месту, отпивает воду.)

Цена «Севера» — это не падение уровня жизни. Это падение когнитивного потенциала. Технологическая автаркия означает, что мы воспроизводим то, что уже изобретено другими, но не создаём нового. Мы догоняем. Догоняющий всегда в проигрыше, потому что пока он догоняет здесь, лидер уходит дальше — там. Через десять лет «Севера» мы будем иметь собственные чипы семь нанометров — и это будет прекрасно. Но в этот момент у АТБ будут трёхнанометровые, а может, и ангстремные. И мы опять будем догонять. Это колесо.

Кольцов: А если не догонять? Если переждать?

Соболева: Переждать — это иллюзия, Алексей Дмитриевич. В современном мире нельзя переждать технологическую гонку. Можно либо участвовать в ней, либо выпасть из истории. Третьего нет.

(Ретроспективный комментарий Соболевой, декабрь 2031 г.: Вот здесь, именно здесь, я уже знала, что «Север» обречён. Знала — и всё равно через два месяца подписала рекомендацию в его пользу. Почему? Потому что я боялась. Боялась «Колодца». Боялась его неопределённости, его безумия, его требования прыгнуть в темноту. Я предпочла умную, просчитанную, достойную гибель — безумному шансу на жизнь. В этом и заключается разница между

стратегом и пророком. Стратег просчитывает. Пророк прыгает. Я была стратегом. Мой учитель был пророком. — В.С.)

20:04. Сценарий «Колодец».

Кольцов: Третий сценарий.

Соболева: (Долгая пауза. Одиннадцать секунд по расшифровке.) Третий сценарий я назвала «Колодец». Это рабочее название — оно прилипло. Пожалуйста, отнеситесь к нему серьёзно, несмотря на поэтику.

Рахманов: Почему «Колодец»?

Соболева: Потому что колодец — это место, где темно. Где не видно дна. Где вода — если она есть — находится глубоко. И чтобы до неё добраться, нужно долго и упорно копать. Не зная наверняка, есть ли там что-то. Но если докопаешь — у тебя вода. А у тех, кто остался на поверхности, — ничего.

Звягин: Красиво. Но что за этим стоит?

Соболева: За этим стоит смена правил игры. Не гонка за чипами. Не догонялкам. Прыжок в другую парадигму. Мы не пытаемся сделать трёхнанометровый чип. Мы пытаемся создать то, что придёт на смену кремниевой электронике. Мы не учим нейросеть распознавать котиков быстрее, чем конкуренты. Мы строим принципиально иную когнитивную архитектуру — то, что мы называем «глубоким мышлением». Это био-гибридные системы, квантовые нейроморфные сети, распределённый интеллект. Области, в которых ещё нет лидера. В которых мы можем быть первыми не потому, что мы сильнее, а потому, что мы пришли раньше.

Рахманов: Вы говорите о вещах, которых не существует.

Соболева: Конечно. Именно поэтому у нас есть шанс. Всё, что уже существует, — поделено. АТБ контролирует чипы. Китай — редкоземы и логистику. Мы не можем выиграть на этих полях. Мы можем выиграть только на том поле, которое ещё не нарисовано. Это и есть стратегия.

Кольцов: Конкретика, Вера Аркадьевна. Что нам нужно сделать?

Соболева: Восемь триллионов рублей в год. Это сопоставимо с текущим оборонным бюджетом. Эти деньги пойдут не на танки и не на ракеты. Они пойдут на лаборатории, на гранты, на переоснащение университетов, на привлечение умов со всего мира. Мы делаем Евразийский Союз магнитом. Лучшие умы планеты — из Индии, из Африки, из Латинской Америки, из того же АТБ — должны хотеть работать здесь, а не в Сингапуре.

Звягин: Это утопия.

Соболева: Это утопия, пока мы не начнём её реализовывать. Тогда это становится политикой.

Рахманов: А образование?

Соболева: Полная пересборка. Мы закрываем половину существующих вузов и открываем вместо них тридцать исследовательских центров нового типа. Школы переводим на модель «обучение мышлению», а не «обучение послушанию». Это больно, долго и политически опасно — потому что мыслящие люди неудобны. Но альтернативы нет: либо мыслящая нация, либо мёртвая.

Кольцов: Что ещё?

Соболева: Перенос столицы. Москва исчерпала себя как центр пассионарного притяжения. Она слишком комфортна, слишком обустроена, слишком самодостаточна. Столица должна находиться в точке максимального напряжения — там, где фронтир, где риск, где будущее. Новосибирск или Красноярск. Ближе к центру Евразии. Ближе к Китайскому поясу, с которым нам в любом случае придётся взаимодействовать.

Звягин: Вы соображаете, что говорите? Перенос столицы — это...

Соболева: Это символический акт. Но стратегия — это всегда отчасти символизм. Александр перенёс столицу в Петербург. Кемаль — в Анкару. Бразилиа построена с нуля. Это работает. Это перезапускает государство.

Рахманов: А демография?

Соболева: Мы открываем границы — для квалифицированных, для молодых, для пассионарных. Африка молода и растёт. Индия перенаселена. Мы предлагаем: приезжайте, живите, работайте, рожайте здесь. Гражданство через пять лет. Это политически токсично — я знаю. Но демографически другого выхода нет.

Кольцов: Вера Аркадьевна, вы требуете от нас перевернуть страну.

Соболева: Я требую от вас не хоронить её заживо. Страна либо переворачивается, либо умирает. Третьего нет.

20:49. Перерыв.

(Запись прервана. Согласно журналу «Ладоги-7», перерыв длился с 20:49 до 21:12. Причина: техническая — перезагрузка защищённой сети. По свидетельству Соболевой (неофициальный разговор, 2031 г.), перерыв был инициирован Кольцовым для неформального обсуждения. Содержание неформального обсуждения не записывалось. Ретроспективно Соболева характеризует его так: «Кольцов пытался понять, не сошла ли я с ума. Он задавал вопросы не как председатель — как человек. Я ответила ему так же. Мы поняли друг друга. И именно тогда я поняла, что он проголосует за „Север“ — потому что он человек системы, а система не прыгает в колодец».)

21:12. Возобновление записи.

Кольцов: Запись возобновлена. Двадцать один двенадцать. Вера Аркадьевна, продолжайте. Вы обозначили три сценария. Теперь — коротко — ваши рекомендации.

Соболева: Рекомендация — «Колодец». С пониманием всех рисков. С осознанием того, что вероятность провала превышает 60%. С готовностью к тому, что первые пять лет будут выглядеть как катастрофа. Но с уверенностью — не интуитивной, а модельно подтверждённой, — что это единственный путь, ведущий не к исчезновению, а к возрождению.

Звягин: А если не получится?

Соболева: Если не получится — мы проиграем. Но мы проиграем, попытаюсь выиграть. А не проиграем, попытаюсь не проиграть. Разница есть.

Звягин: Разница есть для учебников истории. А для людей — никакой. Людям нужен хлеб, а не красивые сценарии.

Соболева: Товарищ генерал-полковник, я понимаю вашу позицию. Вы отвечаете за оборону. Вы мыслите категориями угроз. Угроза — это то, что можно увидеть в прицел. Но есть угрозы, которые не видны в прицел, — медленные, неостановимые, тектонические. Через двадцать лет, если мы выберем «Север», ваши преемники не смогут оборонять страну просто потому, что оборонять будет некому и нечем. Вот о чём я говорю.

Звягин: Через двадцать лет, Вера Аркадьевна, всё может измениться.

Соболева: Да. Может. Война. Эпидемия. Технологический прорыв, который обнулит все наши расчёты. Я не отрицаю случайность. Но стратег не может строить расчёт на случайности. Стратег строит расчёт на тенденциях. Тенденция — нисходящая. Чтобы её переломить, нужен «Колодец».

Рахманов: Давайте без эмоций. Давайте по цифрам. Вы сказали — 60% провала. А у «Севера»?

Соболева: У «Севера» вероятность успеха, по модели, — 40%. Это в горизонте десяти лет. На более длинных дистанциях — ниже. Но это честные 40%, основанные на понятных допущениях. «Колодец» — 14% успеха и 61% катастрофического провала. Оставшиеся 25% — неизвестность.

Рахманов: То есть вы предлагаете нам выбрать сценарий с вероятностью успеха 14% против сценария с вероятностью 40%?

Соболева: Да. Потому что при 14% успеха мы получаем будущее. При 40% — отсрочку.

Рахманов: Это не математика.

Соболева: Это математика на длинных горизонтах. А на длинных горизонтах «успех» «Севера» превращается в «гарантированное поражение» примерно через двадцать лет. А «провал» «Колодца» — это провал попытки. Попытка стоит дорого. Но отсутствие попытки стоит будущего.

Звягин: Я не понимаю, почему мы вообще обсуждаем «Колодец» как реальный вариант. Вы сами сказали: 61% катастрофического провала. С такими цифрами в разведку не ходят.

Соболева: В разведку не ходят. Но в будущее — только так и ходят. С тремя шансами из четырёх не вернуться. Будущее — это всегда разведка, товарищ генерал-полковник. Те, кто ждут гарантий, остаются в прошлом.

21:44. Обсуждение. Фрагмент.

Кольцов: Я хочу услышать каждого. По кругу. Михаил Борисович?

Рахманов: Я слушал Веру Аркадьевну внимательно. Она блестящий аналитик — с этим никто не спорит. Но она предлагает нам прыгнуть в темноту, имея в руках вполне работающий, пусть и не блестящий, сценарий «Север». Я понимаю её аргументы. Я даже допускаю, что она права в долгосрочной перспективе. Но политика — это искусство возможного. «Колодец» — невозможен. Парламент не проголосует. Элиты не поддержат. Народ не поймёт. Мы потеряем управляемость. Поэтому я — за «Мост». Да, он плох в стратегической перспективе. Но стратегическая перспектива — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, когда горит здесь и сейчас. А здесь и сейчас у нас падающая экономика, технологическая блокада и социальное напряжение. «Мост» решает эти проблемы. Цена — суверенитет. Но суверенитет — штука растяжимая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.